

ТОТ, КТО
НЕ ПРЕДАСТ

*Люди
и их питомцы*

СИГРИД
НУНЬЕС

ДРУГ

МОСКВА
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Н89

Sigrid Nunez
THE FRIEND

Copyright © 2018 by Sigrid Nunez. By arrangement with
the author. All rights reserved

Перевод с английского *Е. Татищевой*

Художественное оформление *С. Власова*

Нуньес, Сигрид.

Н89 Друг / Сигрид Нуньес ; [пер. Е. С. Татищевой]. — Москва : «Эксмо», 2019. — 288 с. — (Тот, кто не предаст. Люди и их питомцы).

ISBN 978-5-04-098615-6

Когда преподавательница литературного мастерства теряет лучшего друга и возлюбленного, ее жизнь катастрофически меняется. Ей кажется, что мир вокруг утрачивает свои краски, а окружающие не понимают элементарного: она никогда не будет прежней.

Случайный подарок судьбы – огромный дог по имени Аполлон – становится для нее словно еще одним наказанием. Но чем больше времени она проводит с собакой, тем сильнее осознает – не только она может помочь ему, но и он ей.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Татищева Е., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098615-6

Часть 1

Восьмидесятые годы двадцатого века большое количество камбоджиек, живших в Калифорнии, обращались к своим лечащим врачам, жалясь на одно и то же — на слепоту. Все они были беженками и перед тем, как покинуть родину, стали свидетельницами зверств, которыми прославились красные кхмеры, правившие Камбоджей с 1973 по 1979 год. Многие из этих женщин оказались изнасилованы, подвергнуты пыткам или иным жестоким издевательствам. Члены семей большинства из них были убиты у них на глазах. Одна такая женщина, которая так больше никогда и не увидела своего мужа и трех детей после того, как их увели солдаты, сказала, что зрения она лишилась, так как на протяжении четырех лет плакала каждый день. И она была не единственной, кто ослеп от слез. Были и другие, страдавшие от расфокусировки или частичной потери зрения, а также от затемнений и болей в глазах.

Врачи, которые обследовали этих женщин — всего таких пациенток было около полутора со-

Сирид Жуньес

тен, — обнаружили, что их глаза находятся в нормальном состоянии. Дальнейшие исследования показали, что и мозг у каждой из них функционировал нормально. Так что если эти женщины говорили правду — а кое-кто в этом сомневался, считая, что они симулируют, чтобы привлечь к себе внимание или в надежде на получение пособия по инвалидности, — то единственным объяснением их состояния была психосоматическая слепота.

Иными словами, сознание этих женщин, впитавшее в себя столько ужасов и неспособное впитывать их и дальше, сумело просто-напросто отключить свет.

Именно об этом мы и беседовали во время нашего с тобой последнего разговора, когда ты был еще жив. После этого я получила от тебя только электронное письмо с перечнем книг, которые, по моему мнению, могли пригодиться мне для изысканий, необходимых для работы над моей нынешней книгой. И, поскольку декабрь был на излете, письмо оказалось еще и с пожеланиями всех благ в наступающем году.

В твоём некрологе были две ошибки. Во-первых, дата твоего переезда из Лондона в Нью-Йорк была указана неверно с погрешностью в год. А во-вторых, не совсем правильным было написание девичьей фамилии твоей первой жены. Это небольшие погрешности, и позже они

Друг

были исправлены, но мы все понимали, что тебя бы они привели в ярость.

Однако во время акции памяти о тебе я подслушала диалог, который бы тебя позабавил:

— Жаль, что я не могу молиться.

— Что же тебе мешает?

— Мне мешает *Он*.

Смог бы, сделал бы. Говоря о мертвых, мы часто используем сослагательное наклонение. А еще у нас, живых, появляется такое чувство, будто уйдя от нас, ты стал всеведущ, что мы теперь не можем скрыть от тебя ничего из того, что делаем, думаем или чувствуем. Удивительное ощущение, что ты читаешь эти самые слова и знаешь наперед все, что я напишу еще.

И это правда, что если ты плачешь достаточно горько и достаточно долго, то в конце концов твое зрение может затуманиться.

Я лежала в кровати, хотя была уже середина дня. Я плакала несколько дней, и от непрерывного плача у меня все это время раскалывалась голова. Я встала и подошла к окну, чтобы посмотреть в него. Еще была зима, у окна оказалось холодно, и меня продувал сквозняк. Но мне были приятны и этот холод, и этот сквозняк, и прикосновение лба к ледяному стеклу. Я все моргала и моргала, но мое зрение никак не прояснялось. Я подумала о тех камбоджийках, которые ослепли от плача. Я продолжала моргать, чувствуя, как в моей душе поднимает-

ся страх. И тут я увидела тебя. Ты был одет в свою старую летнюю куртку, которая была немного мала и оттого сидела на тебе еще лучше, а волосы у тебя были темные, густые и длинные. По этим признакам я и поняла, что мы попали в прошлое. В далекое прошлое. Ушли почти на тридцать лет назад.

Куда ты направлялся? Да никуда, просто шел и все. Не затем, чтобы что-то сделать, не затем, чтобы с кем-то встретиться. Ты просто прогуливался, засунув руки в карманы и наслаждаясь видами и звуками улиц. Ты любил это делать. *Если я не могу гулять, я не могу писать.* Ты всегда работал по утрам, а потом наступал момент, когда тебе начинало казаться, что ты уже не способен написать даже самое простое предложение, и тогда ты выходил из дома и гулял, проходя по много миль. Ты проклинал те дни, когда тебе не удавалось погулять из-за погоды (правда, это случалось редко, потому что холод или дождь были тебе не помеха, и помешать твоей прогулке могла только настоящая буря). Вернувшись домой, ты обычно вновь садился и брался за работу, стараясь придерживаться того же ритма, какой установил для себя во время прогулки. И чем точнее тебе удавалось соблюсти этот ритм, тем лучше было то, что выходило из-под твоего пера.

Потому что все дело в ритме, говорил ты. Все хорошие предложения начинаются с того, чтобы задать определенный такт.

Друг

Ты разместил в Интернете эссе «Как быть бездельником», в котором говорилось об обычае гулять по городу, просто шатаясь без дела, и его месте в культуре словесности. Тогда ты подвергся нападкам, поскольку поставил под вопрос возможность такого времяпрепровождения для женщин. Ты считал, что женщина не может бродить по улицам в том же духе и с теми же чувствами, что и мужчина. На пути гуляющей по городу женщины постоянно возникают препятствия: похотливые мужские взгляды и комментарии, восхищенный свист, попытки облапать. Полученное воспитание заставляет женщину всегда оставаться настороже. Не идет ли этот мужчина слишком близко от нее? А тот малый, не преследует ли он ее? А раз так, то как может гуляющая по улицам женщина достаточно расслабиться, чтобы добиться утраты ощущения собственного «я» и обрести чистую радость от того, что она просто существует на этом свете, которая и является целью истинного празднотания?

В заключение ты написал, что эквивалентом гуляния без цели для женщин, вероятно, является шопинг — точнее говоря, разглядывание товаров в магазинах без намерения что-либо купить.

Я тогда думала, что ты кругом прав. Я сама знаю множество женщин, которым всякий раз, когда они выходят из дома, приходится внутренен-

Сирид Нуньес

не собираться, и даже нескольких таких, которые вообще избегают покидать дом. Разумеется, женщине довольно просто подождать, пока она не достигнет определенного возраста, когда она становится невидимой — и проблема решается сама собой.

Правда, надо отметить, что в твоём эссе шла речь о *женщинах* вообще, хотя на самом деле ты имел в виду молодых женщин.

В последнее время я много гуляла и совсем ничего не писала. Я пропустила срок сдачи рукописи. Мне посочувствовали и дали отсрочку. Но я не сдала рукопись и к новому сроку, и теперь мой издатель думает, что я симулянтка.

Я была не единственной, кто ошибочно думал, что раз ты много об *этом* говоришь, ты никогда этого с собой не сделаешь. Ведь ты, в конце концов, был отнюдь не самым несчастным человеком, которого мы знали. Твоя депрессия была не самой тяжелой, не тяжелее, чем у других (подумай хотя бы о Г. или Д. или о Т.—Р.) Ты даже — как ни странно это звучит теперь — не казался слишком уж склонным к самоубийству.

Поскольку ты сделал это в самом начале года, можно заключить, что это было твоё обдуманное решение.

Как-то раз, когда ты говорил об этом, ты сказал, что тебя могла бы остановить мысль о тво-

Друг

их студентах. Как и следовало ожидать, тебя беспокоило то воздействие, которое подобный пример мог бы на них оказать. Однако мы ничего не заподозрили, когда в прошлом году ты ушел с должности преподавателя, хотя и знали, что ты любишь преподавать и что тебе нужны те деньги, которые тебе платили за эту работу.

В другой раз, когда речь зашла о самоубийстве, ты сказал, что для человека, достигшего определенного возраста, это могло бы быть рациональным решением, абсолютно разумным выбором и даже разрешением всех проблем. В отличие от тех случаев, когда самоубийства совершают люди молодые, что всегда является не чем иным, как ошибкой.

Однажды ты рассмешил нас всех, заявив: *Думаю, я предпочел бы, чтобы моя жизнь напоминала новеллу.*

Слова Стиви Смит¹ о том, что Смерть — это единственный бог, который должен явиться, когда ты призываешь его к себе, доставили тебе массу удовольствия, как и различные высказывания других людей, сводившиеся к тому, что если бы не возможность совершить самоубийство, они бы не могли продолжать жить.

---

¹ Флоренс Маргарет Смит, известная как Стиви Смит (1902 — 1971) — британская писательница, поэтесса и художница.

Сирид Нуньес

Как-то раз, прогуливаясь с Сэмюэлем Беккетом¹ прекрасным весенним утром, один из его друзей спросил: «Разве в такой день, как этот, вы не радуетесь тому, что живы?» Беккет ответил: «Я бы так далеко не заходил».

И разве не ты рассказал нам, что Тед Банди² как-то раз отвечал на звонки по телефону доверия в центре предупреждения самоубийств?

Тед Банди.

— Привет. Меня зовут Тед, и я здесь, чтобы выслушать тебя. Поговори со мной.

Мы были крайне удивлены, узнав, что будет проведена акция памяти о тебе. Ведь мы слышали, как ты говорил, что никогда не пожелал бы ничего подобного и сама мысль об этом тебе претит. Может быть, третья жена просто предпочла проигнорировать твоё желание? Или все дело в том, что эта твоя воля не была выражена в письменной форме? Как и большинство самоубийц, ты не оставил предсмертной записки. Я никогда не понимала, почему это называют именно *запи-*

---

¹ Сэмюэль Баркли Беккет (1906–1989) — ирландский писатель, поэт и драматург. Представитель модернизма. Один из основоположников театра абсурда. Получил всемирную известность как автор пьесы «В ожидании Годо». Лауреат Нобелевской премии по литературе 1969 года.

² Теодор (Тед) Банди — американский серийный убийца, садист, насильник и некрофил, действовавший в 70-е годы двадцатого века.

Друг

ской. Ведь наверняка есть самоубийцы, оставляющие послания, которые никак не назовешь короткими.

По-немецки такое послание называется *Abschiedsbrief*, то есть прощальным письмом.

(Что куда лучше.)

Правда, твое желание быть кремированным было уважено: ни похорон, ни шивы¹. В твоём некрологе нами уделено особое внимание твоему атеизму. «Между религией и знанием, сказал он, человек должен выбрать знание».

Какое нелепое высказывание для любого, кто знаком с еврейской историей, как было замечено в одном из комментариев.

К тому времени, когда состоялась акция памяти о тебе, шок от твоей смерти сошел на нет. И люди забавлялись гадая, каково это будет, когда все три твоих жены соберутся в одном помещении. Не говоря уже обо всех твоих подружках, которые, как утверждали сплетники, даже не смогли бы уместиться в одном зале. Если бы не показываемое по кругу слайд-шоу, с его повторяющимся раз за разом напоминанием об утраченной красоте и утраченной молодости, эта акция памяти не очень бы отличалась от прочих литературных сборищ. Было слышно, как люди в приемной говорят о деньгах, а также о литера-

---

¹ Шива — в иудаизме период обязательного семи-дневного траура.

турных премиях, выплачиваемых в качестве репараций, и о последней рецензии, которую можно было бы озаглавить «умри, автор, умри». Правила приличия в данном случае диктовали отсутствие слез. Люди использовали предоставленную им возможность для того, чтобы пообщаться между собой, узнать последние сплетни и укоризненно покачать головами, слушая, как твоя вторая жена слишком откровенно делится личными и интимными подробностями своей жизни с тобой (кстати, по слухам, она оформляет все это в виде книги). Надо признаться, что твоя третья жена при этом блистала, но блеск этот был холоден, как у стального клинка. Она держалась так, словно хотела сказать: только попробуйте меня жалеть или намекать, что я в чем-то виновата, и я вам покажу, можете не сомневаться.

Я была тронута, когда она спросила меня, как идет моя работа над книгой. — Мне не терпится ее прочесть, — заявила она затем, чему я не поверила ни на минуту.

— Я не уверена, что закончу ее, — сказала я.

— О, знаете, он хотел бы, чтобы вы ее все-таки закончили.

(Хотел бы.)

У нее такая обескураживающая привычка, говоря, медленно качать головой, словно одновременно она отрицает каждое произносимое ею слово.

К нам с ней подошел кто-то более или менее известный, и, повернувшись к нему, она спросила:

Друг

— Вы не против, если я вам позвоню?

Я ушла рано. Выходя, я слышала, как кто-то сказал:

— Надеюсь, на *моем* поминовении будет больше народу.

И еще:

— Теперь он уже официально стал мертвым белым мужчиной.

— Правда ли, что литературный мир заминирован ненавистью, что это поле боя, простреливаемое снайперами, где постоянно разворачиваются распри, подогреваемые завистью и соперничеством? — спросил одного известного автора репортер из Национального общественного радио. Автор ответил, что так оно и есть. — На этом поприще действительно много зависти и вражды, — сказал он. И попробовал объяснить:

— Этот мир похож на тонущий плот, на который пытаются взобраться слишком много людей. Так что, если тебе удастся столкнуть кого-то в воду, плот, на котором ты плывешь, поднимается из нее немного выше.

Если чтение, как нас постоянно уверяют, и впрямь развивает в людях способность соперничать друг с другом, то писательство, похоже, в какой-то мере нивелирует ее.

Как-то раз на одной конференции ты вогнал в ступор переполненную аудиторию.

— С чего вы все взяли, что быть писателем — это чудесно? Писательство, — сказал Сименон,